

DOI: 10.15372/HSS20170312
УДК 94 (47) "19" + 930.2 + 070 (09)

Н.Н. РОДИГИНА

**ДЕТЯМ О РЕВОЛЮЦИИ:
ДИНАМИКА ОБРАЗОВ И ПОНЯТИЙ «РЕВОЛЮЦИОННОГО»
В ЖУРНАЛЕ «ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО» НАЧАЛА XX в.**

Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28,
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626152, Тобольск, ул. им. Акад. Ю. Осипова, 15

В статье прослеживается эволюция представлений авторов популярного детского журнала «Задусhevное слово» о революциях начала XX в. Показано, что его редакция с восторгом встретила Манифест 17 октября 1905 г., а затем и Февральскую революцию, называя их началом «новой эры». Простым и понятным языком детям объяснялось значение понятий «свобода», «республика», «парламент», с помощью исторических параллелей подчеркивалась закономерность падения монархии в 1917 г. Журнал транслировал либеральную версию исторических перемен в стране, активно используя метафоры обновления, движения, риторические восклицания, гиперболы. Однако тональность публикаций меняется осенью 1917 г. и свидетельствует о разочаровании редакции в революционном преображении России.

Ключевые слова: детские журналы, образы русских революций начала XX в., история журналистики.

N.N. RODIGINA

**ON THE REVOLUTION FOR CHILDREN:
THE DYNAMICS OF REPRESENTATIONS AND CONCEPTS OF «REVOLUTIONARY»
IN THE MAGAZINE «ZADUSHEVNOE SLOVO» ON THE EARLY XX CENTURY**

Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilukaya str., Novosibirsk, 630126, Russia,
Tobolsk complex scientific station UB RAS,
15 Acad. Yu. Osipova Str., Tobolsk, 626152, Russia

The article objective is to determine the dynamic of representations and concepts of «revolutionary» in children's weekly magazine «Zadushevnoe Slovo» in the early XX century. The methodological framework is set by 1) the concept of P. Bourdieu и M.P. Mokhnacheva on collective authorship of journal texts that is based on the fact that magazine publications are the result of co-creativity of the text authors, publishers, editors, censors and readers; 2) a method of critical discourse by T. van Dijk predetermined close attention not only to the content, but to those who produced and controlled the revolution discourse as well. Magazine «Zadushevnoe Slovo» (1876–1918) founded by M.O. Wolff was one of the most popular and favorite with children's readership. The magazine aims remained practically unchanged throughout its existence history: to be a friend, interlocutor and leader of young readers; give them useful various reading, expand their knowledge. The editorial board was delighted to meet the manifesto on the 7th of October in 1905 calling it «the new era of Russian life». Young readers were informed about proclaimed freedom of conscience, religion, speech, assembly and association, inviolability of a person and the State Duma convocation. Since 1906 when the first issue was published the topics of the Russian parliament elections, population new political rights and freedoms had a priority for the magazine. Its editorial office in a simple, understandable language informed about the State Duma functions, substantiated its creation reasons, notified on estate, ethnic, professional composition of deputies of the first Russian parliament. However, after the manifesto of July 9, 1906 on the State Duma dissolution, «the revolutionary» theme disappears from the journal pages.

Наталья Николаевна Родигина – д-р ист. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, ст. науч. сотр., Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru.

Nataliya N. Rodigina – Professor, Doctor of historical sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Senior Researcher, Tobolsk complex scientific station UB RAS.

«The new era of Russian freedom» was proclaimed on the magazine pages in early March 1917. As in 1905, the monarchy overthrow and the Provisional Government, declaring civil rights and freedoms were announced as epochal, progressive and natural. Metaphors of spring, light, family (all people are the native children of mother-country), revival to a new life of free Russia occurred in most April and May issues of 1917. Proclaiming the sacred idea of freedom «Zadushevnoe Slovo» created the pantheon of its heroes-martyrs. Along with Christ, the Decembrists and non-commissioned officer T. Kirpichnikov were recognized as the first freedom fighters. However, by autumn the time of hope and joyful excitement was replaced by the period of «terrible disasters, great misfortunes» and great disappointments. October 29, the magazine published an editorial article named «Homeland is dying», and in early 1918 the journal edition was ceased.

Key words: children's magazines, representations of Russian revolutions of early XX century, history of journalism.

Несмотря на динамичное погружение междисциплинарного сообщества гуманитариев в историю детства и экспансию историков, антропологов, социологов и филологов в область истории детской литературы и журналистики, в настоящее время существуют единичные работы, посвященные обсуждению темы революции в изданиях для «маленьких граждан и подданных». Я разделяю мнение О.Н. Мязотсо том, что детская литература в той же степени, что и взрослая, может быть насыщена различными идеологическими смыслами и детские книги воспринимались и воспринимаются обществом, прежде всего, как воспитательный ресурс, как «агенты влияния», и используются в том числе как средство пропаганды [1, с. 105].

Изучение позиции ведущих детских журналов в отношении революций начала XX в. позволит расширить существующие в гуманитарных науках представления о том, как разные мы-группы конструировали для детей образы революции, какие понятия, темы, символы, риторические приемы они использовали для формирования картины мира и ценностных ориентиров тех, кто олицетворял будущее страны.

Как следует из названия, я стремлюсь выяснить динамику образов и понятий «революционного» в детском еженедельнике «Задусhevное слово» начала XX в. В результате сплошного просмотра годовых комплектов журнала за 1905–1918 гг. стали очевидны два периода актуальности интересующей меня темы, что, впрочем, и ожидаемо: первый – октябрь 1905 – июль 1906 г., второй – март 1917 – январь 1918 г. Именно в номерах за указанное время выявляется тематика, жанровая принадлежность, авторский корпус текстов о революции, характеризуется динамика ее оценок. Предметом анализа являются как прямые упоминания о событиях революции, так и косвенные, скрытые аллюзии, раскрывается тактика сознательного умолчания о некоторых явлениях, травматичных для ребенка.

Два методологических основания определили замысел статьи: 1) идея П. Бурдые и М.П. Мохначевой о коллективном авторстве журнальных текстов, заключающаяся в том, что журнальные публикации являются результатом коллективного труда и сотворчества авторов, издателей, редакторов, цензоров и читателей [2, 3], в связи с этим отдельные разножанровые тексты «Задусhevного слова» отождествляются мною с позицией редакции издания; 2) метод критического дискурсного анализа Т. ван Дейка, неоднократно ранее

применявшийся исследователями, в том числе мною, для анализа текстов периодической печати и предопределивший пристальное внимание не только к содержанию, но и к тем, кто производил и контролировал дискурс о революции, к контексту его создания и читательской рецепции [4].

Как известно, журнал «Задусhevное слово» (1876–1918), основанный М.О. Вольфом, был одним из самых популярных и любимых детской читательской аудиторией. Один из первых биографов Вольфа С.Ф. Либрович, многолетний сотрудник его изданий, писал: «Маврикий Осипович был вообще одним из самых популярных людей в Петербурге: его отлично знали все, сколько-нибудь прикосновенные к литературе или книге, его знал весь петербургский чиновничий мир, вся аристократия. Его знали – и именно по имени и отчеству – даже... петербургские извозчики» [5, с. 13].

Имея в виду, что история журнала, его структура, тематика, специфика читательской аудитории уже были предметом исследовательской рефлексии (см., напр.: [6, 7, 8, 9]), остановлюсь лишь на тех характеристиках издания, которые позволяют понять контекст обращения редакции к интересующей меня теме. Как многократно упоминалось в самом журнале, его название принадлежит И.А. Гончарову, и именно по его рекомендации первым редактором стала София Макарова–детская писательница. Задачи журнала оставались практически неизменными в течение всей истории его существования: быть товарищем, собеседником и руководителем молодых читателей; давать им разумное, полезное, занимательное, разнообразное чтение, расширять круг их знаний, содействовать развитию у них любознательности и пытливости, развлекать их [10, с. 2].

В начале XX в. журнал выходил в составе двух разделов: для младшего и старшего возраста. Именно материалы последнего раздела использованы в настоящей статье. На страницах «Задусhevного слова» публиковались передовые статьи, беллетристические и поэтические произведения, научно-популярные очерки, путевые записки, иллюстрации, а также многочисленные анкеты для детей и их родителей, описания игр, шарады, письма детей в рубрику «Почтовый ящик» и пр. В круг авторов издания входили: Л.А. Чарская, К.А. Лукашевич, Т.Л. Щепкина-Куперник, С.Ф. Либрович, А.Б. Хвольсон (придумавшая известные литературные персонажи – Мурзилку и Незнайку) и др.

Первое упоминание об изменениях в политической жизни империи, без упоминания концепта «революция», мы встречаем осенью 1905 г. в передовой статье с «говорящим» названием «Новая эра русской жизни», опубликованной по поводу Манифеста 17 октября. Юным читателям сообщалось о провозглашении свободы совести, вероисповедания, слова, собраний и союзов, неприкосновенности личности и созыве Государственной думы, без одобрения которой ни один закон не будет представлен для утверждения императором. Манифест назывался великим событием в русской жизни и русской истории: «День обнародования манифеста – 17 октября – является для России началом новой эры потому, что в нашем государстве вводится такой образ правления, какой принят во всех культурных странах мира, где сам народ, в лице избранных им деятелей, постановляет те или другие новые законы, отменяет старые, устанавливает порядки в стране и пр. и пр., где на высокие посты правителей, то есть министров, назначаются лица, пользующиеся доверием большинства населения» [11, с. 2].

Таким образом, с точки зрения издания, манифест включал страну в число других «культурных» стран (читай: европейских в широком смысле, включая США). Попутно замечу, что для журнала был характерен пристальный интерес к американской жизни: на его страницах был опубликован биографический очерк о Т. Рузвельте, статьи о том, как американские школьники проводят каникулы, о детской колонии для перевоспитания правонарушителей в штате Мичиган под названием «Детская республика» [12, 13, 14] и др. США воспринимались как один из социокультурных образцов и в области политической жизни, и в сфере образования и воспитания детей. Особенно показательна в этом смысле передовая статья, посвященная учебнику «The American Citizen». Статья опять-таки имеет «говорящее» название, наглядно демонстрирующее отношение редакции к учебнику и опыту американской школы – «Воспитание хорошего гражданина».

Приведенные в статье выдержки из учебника и редакционные комментарии свидетельствуют о понимании необходимости со школьного возраста заниматься воспитанием не подданных, а граждан, осознающих целесообразность созданных в результате появления манифеста политических институтов, умеющих их использовать для общего блага и имеющих активную гражданскую позицию. Приведу лишь один из них: «Каждый человек должен знать основные положения, касающиеся управления своей страны и ее общественных учреждений. Но знать одни только факты недостаточно. Нужно выяснить те нравственные основы, на которых зиждется жизнь цивилизованных людей. Думающий ученик стремится узнать, почему мы устанавливаем и поддерживаем известные учреждения и обычаи. Он будет гораздо более уважать последние и охотнее подчиняться изданным законам, когда будет иметь возможность убедиться в том, что и те и другие основаны на справедливости» [15].

Очевидно, что, рассуждая об американском опыте воспитания политической культуры граждан, редакция имела в виду задачи, стоявшие перед русской общественностью, что было типично для русской культуры конца XIX – начала XX в. [16].

Начиная с первого номера за 1906 г. темы выборов в российский парламент, новых политических прав и свобод населения становятся приоритетными для журнала. Его редакция простым понятным языком, с доверием к своим читателям предлагала свою версию событий и обосновывала свое понимание места детей в меняющейся политической реальности.

В первом номере 1906 г. опубликовано воззвание к русским детям и юношеству, в котором вновь упоминается о создании Государственной думы, ее функциях, аргументируется необходимость многопартийности. Вновь позволю себе цитату: «...Люди не могут быть всегда одного и того же мнения ... при новом устройстве государственной жизни образуются различные партии. Эти партии должны относиться одна к другой мирно и отнюдь не препятствовать выражению мнений со стороны несогласной партии. Это – путь законный. Путь же насилия и борьбы физической есть путь беззакония и потому все здравомыслящие люди должны признавать, что каждый, кто выступает против своего ближнего с оружием в руках, есть враг общества и порядка, враг закона, данного государем по желанию самого народа. Не насилием, а словом и убеждением надо решать общественные вопросы. Русские граждане должны вступить в новую жизнь при дарованных им новых законах, как люди достойные ими пользоваться, уважать мнение противников, если только это мнение имеет в виду благо родины» [17, с. 2].

По мнению журнала, дети не должны принимать участия в решении политических проблем – это задача взрослых, но обязаны спокойно относиться к сверстникам, высказывающим противоположные взгляды, утверждая при этом, что все – «дети одной матери России», независимо от их «веры и народности».

Однако редакция и в годы «революционных потрясений» стремилась привлекать детей к участию в решении посильных им общественно-полезных задач, например, к сбору средств голодающим школьникам в 1906–1907 гг. Причем «Задуманное слово» не только публиковало призывы «Союза учителей и деятелей по народному образованию», организовавшему комиссию по устройству школьных столовых, стихотворения о голодающих детях, но и помещало сведения о конкретных детских пожертвованиях с упоминанием имен, мест проживания и сумм, которыми дети делились со своими нуждающимися сверстниками, что свидетельствует о влиянии издания на поведенческие практики читателей и о социальном последствии текстов (см., напр.: [18, 19, 20]).

Сотрудники журнала восторженно и с энтузиазмом описывали политические изменения в стране, несколько идеализируя их перспективы, подчеркивая их величие, эпохальность, новизну, всеохватность.

Типичны следующие слова-маркеры, используемые при описании выборов в Государственную думу, ее первого заседания: «навсегда останется в памяти русского народа», «великий день русской истории» [21, с. 1; 22, с. 1] и др. Учитывая возрастные особенности читателей, журнал информировал о сословном, этническом, профессиональном, возрастном составе депутатов первого русского парламента, детально описывал Таврический дворец, в котором проходили его заседания. Представляется важным и то, что сотрудники журнала пытались объяснить читателям причины революции (не употребляя самого понятия, называя ее «смутой» или «большими смутами в народе»), порой прибегая к критике существующей власти. Первым в числе причин называлось тяжелое положение крестьян и подчеркивалось, что именно крестьяне составляли большинство населения России – страны «крестьянского царства». Малоземелье, тяжесть аренды земли, сложность переселения на многоземельные окраины, непосильность налогового бремени, злоупотребления чиновников, малодоступность образования, недоступность периодических изданий – вот неполный перечень обстоятельств, которые привели отчаявшихся крестьян и рабочих, вышедших из их среды, «на путь поджогов и грабежей, который ведет к полному разорению и нищете». «Три горя подрывали благосостояние крестьян: бедность, темнота и бесправие», – читаем в «Задушевном слове» [21, с. 1–2]. Вторая причина – злоупотребления со стороны окружения императора, в том числе министров (казнокрадство, сокрытие информации о положении в стране, полное отсутствие гласности и отчетности их перед населением): «Говорить и писать об этом нельзя было, так как власть была в их руках, и тех, кто говорил правду, сажали в тюрьмы или ссылали в далекую Сибирь» [21, с. 2].

Однако после публикации выдержек из манифеста 9 июля 1906 г. о роспуске (не без надежды названном редакцией приостановлением занятий) Государственной думы, помещенных практически без редакционных комментариев [23], журнал уже не публикует текстов о политических реформах вплоть до начала марта 1917 г. Вопреки романтическим представлениям его редакции первая «новая эра русской жизни» оказалась весьма короткой.

«Новая эра русской свободы» на страницах журнала провозглашается в начале марта 1917 г. Так, № 11/12 практически полностью посвящен политическим событиям февраля–марта 1917 г. Показательно, что на первых двух страницах в номере указывается официально-событийная версия отречения Николая II от престола, отказа от престола великого князя Михаила Александровича, даются информационные сообщения об обстоятельствах этих отречений, об аресте императорской семьи. Затем в статье «Новая Россия» приводится редакционная версия причин и ожидаемых последствий революции, называемой «народным восстанием»; предпринимается попытка найти аналогии происходящим событиям в историческом

очерке С.Ф. Либровича (под псевдонимом – В. Русаков) о свержении с престола царя Василия Шуйского. На последних страницах помещена интерпретация драматичной участи Николая II и его ответственности перед народом.

Автором «Новой России» (предположительно – С.Ф. Либровичем) в качестве причин Февральской революции называются те же, что указывались при описании событий 1905 г., порой даже в тех же самых формулировках: тяжелое положение народа, злоупотребления высшего чиновничества, доверие царя своему ближайшему окружению, отсутствие свободы слова и др. Однако к этому перечню прибавлялись и новые обстоятельства: роспуск Государственных дум, неспособность правительства вести «беспримерную в истории войну с могучим врагом – Германией», продовольственный голод, спровоцированный властью. В качестве инициатора свержения царя и создания Временного правительства называется народ, понимаемый как нация. Как и в 1905 г., его действия описываются восторженно, объявляются эпохальными, прогрессивными и закономерными: «Для России началась новая жизнь. Русский народ будет управляться людьми, которым он доверяет. Все жители России отныне будут равны перед законом, все составят как бы одну дружную семью, каждый будет полноправным гражданином своей свободной родины. Да здравствует наша свободная, любимая родина!» [24, с. 294].

Актуализируя тему вины и исторической ответственности Николая II, редакция акцентирует основное внимание на плохом знании уроков истории русским монархом: «Если бы Николай II хорошо знал историю и воспринял то, чему она учит, он знал бы, какая участь постигла тех монархов, которые оставались глухими к голосу народа, к предупреждениям и предостережениям представителей его, указывавших, что народ в состоянии терпеть притеснения и неправду лишь до поры до времени» [25, с. 3]. В данном случае важно не только признание высокого статуса «великой науки истории», вера в то, что «ее уроки» могут влиять на настоящее и «предсказывать» будущее, что, как известно, было характерно и для «долгого XIX века», и для бурного начала XX столетия, но и признание представительного правления более прогрессивным и закономерным для России по сравнению с монархией. Журнал публикует и серию очерков, посвященных республикам, подробно описывая их характерные черты и исторические формы, статьи о королях в изгнании, опять же стремясь найти аналогии современным политическим преобразованиям и показать закономерность происходящего.

Метафоры весны, света, семьи (все – родные дети матери-отчизны), возрождения к новой жизни свободной России встречаются в большинстве апрельских и майских номеров 1917 г. Радужное настоящее описывается не только при помощи упоминания эмоций любви, радости единства и служения родине, но и при помощи света и звуков, символизирующих обновление.

Неслучайно символической кульминацией происходящего становится Пасха 1917 г.: «Небывало радостным, небывало светлым звоном гудят в этом году пасхальные колокола. Никогда еще родина не встречала Пасху с такой глубокой верой в будущее, как теперь. Никогда еще великий праздник возрождения не вселял в сердце русского народа столько надежд, столько упований, сколько в наши дни» [26, с. 2].

Последовательно реализуя свои дидактические и просветительские задачи, журнал объяснял юным читателям, что такое свобода, какие политические свободы существуют, что значит быть свободным в повседневной жизни. Главной из свобод объявлялась свобода личности, а ее первым идеологом – «Христос, указав, что кесарю надо воздавать только кесарево, а Богу – Божье» [27, с. 331]. Провозглашая сакральность идеи свободы, «Задушевное слово» создает пантеон ее героев-мучеников. Наряду с Христом первыми борцами за свободу признавались декабристы, которым посвящена целая серия статей. Приведу цитату, раскрывающую основные конструкты образа борца-революционера, призванного служить идеалом для читателей: «Молодые, прекрасно образованные, светлые умом и чистые душой, декабристы горячо любили Россию и народ и принесли ему в жертву свою жизнь, свободу и достояние. Грубая сила кровавой расправой смела юные всходы русской нивы и с ними надолго погибла свобода, которую они хотели завоевать для народа» [28, с. 2].

Как свидетельствует анализ содержания статей о декабристах, ключевым элементом героического образа борца за революцию (как средства завоевания свободы) была способность к самопожертвованию во имя свободы родины и народа, которая понималась в либеральном смысле как свобода личности, собственности, слова, совести, равенства гражданских прав. Для того чтобы образ героя революции был современным и жизнеспособным, редакция общала и о героях 1917 г. В их числе – старший унтер-офицер Тимофей Кирпичников – первым в учебной команде Волынского полка «поднявший знамя революции» и «присоединивший ее к восставшему народу» [29, с. 2].

Однако постепенно к осени 1917 г. объем материалов о «новой счастливой» послереволюционной жизни сокращается, публикуются извинения редакции за увеличение количества двоящихся номеров в связи с войной и небывалыми трудностями, печатаются заметки о потере Риги и других городов в результате немецкого наступления. 29 октября журнал публикует передовую статью «Родина гибнет». Время надежд и радостного возбуждения сменилось порой «ужасных бедствий, великих несчастий» и больших разочарований. «Казалось, что русский народ, добившись долгожданной свободы, воспользуется этой свободой, чтобы зажить мирной трудовой жизнью, и пойдет по пути порядка, законности, просвещения. Надежды эти, однако, не оправдались, надежды эти глубоко обманули защитников родины. Начались распри и междоусобицы,

ослабела сила защитников родины... Высшая власть переходит из рук в руки. При этом происходит кровопролитная борьба... Всюду тысячи раненых и сотни убитых. Люди, владеющие оружием, заставляют людей беззащитных исполнять свою волю... Народ запуган, страдает, молчит и ждет спасения» [30, с. 1]. Примечательно, что текст заканчивается молитвой о даровании мудрости вождям России, решимости поставить благо народа (читай: нации) выше выгод отдельных классов, о возвращении дисциплины в русскую армию, сил тем, кто трудится над восстановлением закона и порядка. В январе 1918 г. издание журнала было прекращено.

Итак, «Задушевное слово» транслировало либеральную версию русских революций начала XX в.: приветствовало провозглашение гражданских прав и свобод, создание законодательного представительного органа власти, создание политических партий. Само понятие «революция» впервые используется журналом при описании февраля 1917 г., события 1905–1907 гг. преподносятся как «смута», «народное восстание». До осени 1917 г. редакция с энтузиазмом рассказывает читателям об эпохальном характере происходящих перемен, подчеркивает их неизбежность и историческую закономерность путем использования исторических аналогий, метафор обновления, движения, риторических восклицаний, гипербола. Показательна стратегия умолчания о травмирующих аспектах происходящего: жертвах, личных драмах современников (за исключением Николая II и его семьи), что объясняется бережным отношением к читателям. Да и судьба последнего русского императора после его отречения от престола описана со сдержанным сочувствием как судьба монарха, не ответившего на «вызов эпохи», но заслуживавшего снисхождения в качестве частного лица. Публикации осени 1917 г. свидетельствуют о разочаровании редакции в революционном преображении страны, о возможности оптимистичного сценария политической ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мязотс О.Н. Война как игра // Детские чтения. 2015. № 2. С. 104–123.
2. Бурдые П. Поле литературы / пер. с франц. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
3. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. М.: РГГУ, 1998. Кн. 1: Журналистика в контексте науковедения в России XVIII–XIX вв. 461 с.
4. Тен А. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Либроком, 2014. 244 с.
5. Либрович С.Ф. На книжном посту: воспоминания, записки, документы. Пг.; М.: Изд. тов. М.О. Вольфа, 1916. 496 с.
6. Хеллман Б. Сказки были. История русской детской литературы / пер. с англ. О. Бухиной. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 560 с.
7. Корнилова В.В. Детские иллюстрированные журналы Санкт-Петербурга XIX в. // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 4. С. 82–96.
8. Родигина Н.Н. Репрезентации детской повседневности в журнале «Задушевное слово» второй половины XIX в. // Русское детство. Краков, 2014. С. 10–25.

9. Родигина Н.Н., Митрофанова К.Н. «И вдруг она приблизилась к нам...»: образ Сибири в детских журналах конца XIX – начала XX в. // Вестник ТГУ. История. 2015. № 6 (38). С. 5–10.
10. Что такое «Задусшевное слово» // Задусшевное слово. 1907. № 1. С. 2.
11. Новая эра русской жизни // Задусшевное слово. 1905. № 51. С. 2.
12. Из жизни президента Рузвельта // Задусшевное слово. 1907. № 10. С. 1.
13. Как американские школьники проводят каникулы // Задусшевное слово. 1906. № 24. С. 1–2.
14. Детская республика // Задусшевное слово. 1907. № 31. С. 1–2.
15. Воспитание хорошего гражданина // Задусшевное слово. 1906. № 20. С. 1.
16. Эткинд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в траверлогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.
17. Воззвание к русским детям и русскому юношеству // Задусшевное слово. 1906. № 1. С. 2.
18. Голодающие школьники // Задусшевное слово. 1906. № 2. С. 1.
19. Жертуйте на голодающих! // Задусшевное слово. 1907. № 20. С. 2.
20. Пожертвование // Задусшевное слово. 1907. № 19. С. 19.
21. Новые права русского народа // Задусшевное слово. 1906. № 6. С. 1–2.
22. Великий исторический день // Задусшевное слово. 1906. № 27. С. 1–2.
23. Приостановление занятий Государственной думы // Задусшевное слово. 1906. № 39. С. 1–2.
24. Новая Россия // Задусшевное слово. 1917. № 11–12. С. 291–294.
25. Участь Николая II // Задусшевное слово. 1917. № 11–12. С. 3.
26. Пасха 1917 года // Задусшевное слово. 1917. № 21. С. 2.
27. Полянин С. Что такое свобода? // Задусшевное слово. 1917. № 22–23. С. 331–332.
28. Первые борцы за свободу // Задусшевное слово. 1917. № 24–25. С. 1–2.
29. Герой революции // Задусшевное слово. 1917. № 26. С. 2.
30. Родина гибнет // Задусшевное слово. 1917. № 52. С. 1–2.
6. Hellman B. Fairy tales and true stories. The history of Russian Literature for children and young people: transl. from Eng. by O. Bukhina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 560 p. (In Russ.)
7. Kornilova V.V. Children's illustrated magazines of St. Petersburg in the XIX century. *Vestnik SPbGUKI*. 2011, no 4, pp. 82–96. (In Russ.)
8. Rodigina N.N. Representations of children's everyday life in magazine «Zadushevnoe Slovo» of the second half of the XIX century. *Russkoedetstvo*. Cracow, 2014, pp. 10–25. (In Russ.)
9. Rodigina N.N., Mitrofanova K.N. «And suddenly she approached us...»: Siberia image in children's magazines of the late XIX – early XX centuries. *Vestnik TGU. Istoriya*. 2015, no. 6, pp. 5–10. (In Russ.)
10. What is «Zadushevnoe Slovo». *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 1, p. 2. (In Russ.)
11. A new era of Russian life. *Zadushevnoe Slovo*. 1905, no. 51, p. 2. (In Russ.)
12. From the life of President Roosevelt. *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 10, p. 1. (In Russ.)
13. How American schoolchildren spend their holidays. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 24, pp. 1–2. (In Russ.)
14. Children's republic. *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 31, pp. 1–2. (In Russ.)
15. Bringing up a good citizen. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 20, p. 1. (In Russ.)
16. Etkind A.M. Interpretation of travels. Russia and America in travelogues and intertexts. Moscow: Novoeliteraturnoebobzrenie, 2001. 496 p. (In Russ.)
17. An appeal to Russian children and Russian youth. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 1, p. 2. (In Russ.)
18. Starving school children. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 2, p. 1. (In Russ.)
19. Donate to the starving! *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 20, p. 2. (In Russ.)
20. Donation. *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 19, p. 19. (In Russ.)
21. New rights of Russian people. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 6, pp. 1–2. (In Russ.)
22. The great historical day. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 27, pp. 1–2. (In Russ.)
23. Suspension of the State Duma activity. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 39, pp. 1–2. (In Russ.)
24. New Russia. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 11/12, pp. 291–294. (In Russ.)
25. The fate of Nicholas II. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 11/12, p. 3. (In Russ.)
26. Easter of 1917. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 21. p. 2. (In Russ.)
27. Polyinin S. What is freedom? *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 22/23, pp. 331–332. (In Russ.)
28. The first freedom fighters. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 24/25, pp. 1–2. (In Russ.)
29. The Revolution hero. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 26. p. 2. (In Russ.)
30. Homeland dies. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 52, pp. 1–2. (In Russ.)

REFERENCES

1. Myaots O.N. War as a game. *Detskie chteniya*. 2015, no 2, pp. 104–123. (In Russ.)
2. Bourdieu P. The literature field of cultural production: transl. from Fr. by M. Gronas. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000, no. 45, pp. 22–87. (In Russ.)
3. Mokhnacheva M.P. Journalism and historical science. Pt. 1: Journalism in the context of science creation in Russia in the XVIII–XIX centuries. Moscow: RGGU, 1998. 461 p. (In Russ.)
4. Van Dijk T. Discourse and power: representation of domination in language and communication: transl. from Eng. Moscow: Librokom, 2014. 244 p. (In Russ.)
5. Librovich S.F. At the bookstore: memories, notes, documents. Petersburg, Moscow: Tovarishestvo M.O. Wolffa, 1916. 496 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.06.2017